УДК 801.7

К.П. СИДОРЕНКО, *д-р филол. наук, профессор, ruskaf1@spmi.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

K.P. SIDORENKO, *Dr. in philol., professor, ruskaf1@spmi.ru*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

ИНТЕРТЕКСТОВЫЙ СУБСТРАТ И ИЗВЛЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются вопросы интерпретации интертекстового субстрата в современном русском языке и формирования дидактических принципов в инновационном аспекте. Предлагаются практические материалы по технологии извлечения культурно значимой информации.

***Ключевые слова*:** инновация, интертекстовый субстрат, междисциплинарность, познавательная деятельность, классический текст, интертекстовая динамика, культурно-значимая информация, лингвокультурологический комментарий, прецедентный текст, логоэпистема.

MEDIA TEXT SUBSTANCE AND CULTURALLY SIGNIFICANT INFORMATION EXTRACTION

The article deals with interpretation of quotation (intertextual substance) in modern Russian speech and forming didactic principles in innovations aspect. Some practical materials concerning culturally significant information extraction are given.

***Key words*:** innovation, media text substance, inter subject significance , cognitive activity, classical text, media text dynamics, culturally significant information, linguistic and cultural interpretation, precedent-related text, logoepistem.

Инновационные педагогические технологии, ориентированные на гуманитаризацию образования, опираются на принципы междисциплинарности и познавательной деятельности. Интегрирующую роль здесь закономерно играет целенаправленная работа по воспитанию речевой культуры. Однако понимание речевой культуры как «правильной» («грамотной») речи требует разработки относительно точных параметров, соотносящихся с общекультурным блоком учебной программы, формированием принципов моделирования условий образовательной среды с «жестким» учетом того места, которое занимает в ней «составляющая родного языка». Основная предпосылка культуры языка – правильно поставленное лингвистическое воспитание. Современная «интерпретационная ситуация» предполагает целенаправленное обращение к так называемому «отрицательному материалу» и выработку у учащихся оценки того, что действительно неприемлемо, в отличие от того, что является намеренным нарушением нормы. Показательно, что в сфере профессиональной журналистики ставится такой же вопрос: «Преднамеренное отступление от нормы касается повышения изобразительной и выразительной стороны высказывания. Они отличаются сферой и целями использования».

Лингвометодическая обработка прецедентных феноменов (единиц интертекстового субстрата) позволяет установить не толь-

ко критерии определения общекультурного уровня студента, но и специфику принадлежности к определенному лингвокультурному сообществу. Любой лингвокультурологически ценный текст может восприниматься в двух измерениях: как совокупность текстов, вбирающих и пропускающих через себя иные тексты, и как источник «чужого слова». Такого рода динамические процессы в сфере лингвокультурологии могут быть названы интертекстовой деривацией, порождающей, в свою очередь, ряд вопросов лингвометодического характера.

Общие принципы осмысления речевой ситуации, сформированные в научных исследованиях, используются и в методике изучения интертекстовых единиц, среди них, в первую очередь, выделяются факты, отвечающие литературной норме, явления индивидуальные и социально-возрастные, ненормативные, но получившие относительно широкое распространение. Нередко такие явления социально и профессионально маркированы.

Актуальным представляется не только комментирование текстов, но и лексикографическое описание корпуса интертекстовых единиц, охватываемых условным измерением «круг словесной культуры», позволяющим решать проблемы адекватности восприятия многомерной текстовой информации.

Оценка общекультурного уровня студента нередко осуществляется односторонне, с ориентацией, прежде всего, на те исходные позиции, которые значимы для проводящего эксперимент исследователя (преподавателя, аспиранта), а не заполняющего тест-анкету студента. Поэтому культурный пласт, являющийся актуальным для обучаемого, не может быть учтен в полной мере. Однако мы далеки от того, чтобы обосновывать оправдательное отношению к фактической некомпетентности молодого человека (вчерашнего абитуриента) в сфере хрестоматийной, охватывающей общекультурно значимый национальный (гипертекстовый и мегатекстовый) инвариант. Такой подход не допустим, равно как и пассивное сетование на упавший уровень культуры письменной речи вообще и знание основ орфографии и пунктуации в частности, обусловленное разными причинами (обычно это объясняется компьютеризацией школьной жизни). Описание «прецедентного» материала, на котором в значительной мере основывается как учебный процесс, так и предварительная научная и учебно-методическая обработка, вступает в противоречие с проблемой «культурно-речевого» характера: что является единицей анализа, т.е. тем «операциональным сегментом», приводящим к постановке вопроса о методически приемлемом пути, который определяет технологию извлечения лингвокультурологической информации?

В сфере теории речевой культуры неоднозначно, например, решаются вопросы жаргонистики, целесообразности введения в учебный процесс «отрицательного» материала и его теоретического осмысления. Более того, обращение к последним лексикографическим изданиям приводит к сетованиям на падение речевой культуры, что нередко становится учебно-методической доминантой при определении общих принципов преподавания русской речевой культуры.

Интертекстовый (прецедентный) субстрат, являющийся важнейшей лингвокультурологической составляющей современного русского языка, сформировался под влиянием корпуса текстов, соотносимых, в первую очередь, с тремя языковыми личностями первой трети XIX в., актуальность которых ни в коей мере не уменьшилась за полтора века: это А.С.Пушкин, И.А.Крылов, А.С.Грибоедов. Целенаправленная работа со студентами по формированию индивидуальной учебной картотеки, отражающей современную русскую речевую ситуацию, в значительной степени подтверждает наше предположение.

Ниже предлагаются некоторые обзорные (теоретические) и практические материалы по технологии извлечения культурнозначимой информации, соотносимой с корпусом прецедентных феноменов (интертекстовых единиц), восходящих к тексту «Горя от ума» А.С.Грибоедова.

Принципы методической обработки писательского интертекста непосредственно соотносимы с полифоничностью лингвокультурологической, которая, в свою очередь, приводит к необходимости системно-структурного и функционального рассмотрения собственно языка писателя. Преемственность и перспектива пушкинского текста, способность дать не только образцы литературного языка, но и непосредственно структурировать в будущем языковой стандарт, определяют актуальность предлагаемого лингвистического анализа.

Компактность текста и его энергия обеспечили творению Грибоедова особое место в ряду произведений русской классической литературы. К сожалению, не проведено ни одного сопоставительного исследования, отражающего круг самых цитируемых произведений русской классической литературы, высказывания по этому вопросу имеют интуитивный характер. Однако, в свою очередь, рискнем предположить, что «Горе от ума» оказалось бы в первой тройке, если бы таковая работа проводилась: сюда бы добавились «Евгений Онегин» Пушкина и основной корпус басен Крылова. Подтверждением нашего предположения могут служить многочисленные примеры употребления различных цитат из комедии Грибоедова в средствах массовой информации, от газет первой четверти XIX в. до современных текстов Интернета.

Сегодняшний газетный текст в значительной степени основывается на игре с цитатами, авторство которых зачастую не указывается в расчете на память образованного читателя. В газетах первой половины XIX в. цитаты из литературных произведений использовались иначе: неписаным правилом было обязательное указание на автора. В газетах второй половины XX в. встречаются цитаты, отражающие индивидуально-авторское переосмысление и обыгрывающие всем известные выражения: *горе от ума* (в рассказе о шалостях подростков), *а судьи кто* (о вакантной должности судьи или необъективном судействе в спорте), *герой не своего романа* (о неудачном кинофильме), *все врут календари* (о попытках изменить трактовку исторических событий), *фельдфебеля в Вольтеры дам* (о попытках ограничить свободу слова или волеизъявления). Так рождается газетный штамп, стереотип. В газетах возможно использование одной и той же цитаты и в виде индивидуально осмысленной, и в стандартизированной форме. Например, в газетной статье под заголовком «*В глушь? В Саратов?..*» (Московский комсомолец в Питере. 2000, 20-27 декабря) рассказывается о переходе баскетболиста из петербургского «Спартака» в саратовский спортивный клуб. Однако чаще эта интертекстовая единица получает значение «отдаленное место». В заметке «*Уехать к тетке, в глушь, в Саратов*» (Петербургский телезритель. 2004. № 34) журналист критикует современное телевидение, «спастись» от которого можно только где-нибудь в глубинке, хотя современный Саратов не может быть назван глушью. Слова Фамусова, обращенные к Чацкому: «*А главное, поди-тка послужи*», регулярно выступают как заголовок статей о призыве на воинскую службу. Выражение «*карету мне, карету*» в газетных заголовках соотносится с каретой – в статье о прокате старинных экипажей (Комсомольская правда. 1987, 17 ноября), с автомобилем, когда речь шла о попытке правительства заменить служебные иномарки «Волгами» (Советская Россия. 1997, 24 июня), с финалом комедии Грибоедова, – отъездом, увольнением, сопровождающихся скандалом.

Достаточно типична ассоциативная иллюстративная реакция на тему-сообщение:

«Смотря фильм, вряд ли кто-то из нас спутает мушкетера с гусаром, дружинника (XII-XIV вв.) с красноармейцем. *“... К любимцам, гвардии, гвардейским, гвардионцам, их золоту, шитью дивятся будто солнцам. А в первой армии когда отстали? в чем? Все так прилажено, и тальи все так узки, и офицеров вам начтем...”*. <…> Воин, курсант, школьник, невеста – различаем мы их по одежде». (Фидлви+: Интернет-газета. 2006, 8 апреля).

Показательно, что при характеристике политической жизни России начала XXI в.

журналист использует комплекс грибоедовских образов:

«В нынешней российской политике тоже, слава Богу, трагиков нет, поэтому она, в общем, почти без остатка расписывается по Грибоедову – если не быть слишком серьезным <…> Вы удивитесь сверхъестественному изобилию на нашей политической арене *Молчалиных* и *Скалозубов*. Дивиться тут, однако, нечему: подавляющая часть нашего политического класса суть люди государственные, служащие. А кто в "Горе" одним своим видом неотвратимо напоминает о службе? Именно эти двое <…>. Служит еще и Фамусов (*"По должности, по службе хлопотня, Тот пристает, другой, всем дело до меня!"*), но *Фамусовых* не может быть много – мало кому по чину. Иные посты так для этого амплуа и созданы: глава правительства в нашем политическом устройстве, кажется, непременно должен быть *Фамусовым*. <…> Проблема у нас с *Чацкими.* Мне, в противность школьным учебникам, *Александр Андреич* отнюдь не кажется идеальным героем, но без этого элемента картина перекашивается. Но кое-кто все-таки работает и в этом амплуа. Прежде всего, конечно, Явлинский – он, в точности как протагонист "Горя", всегда знает, кто что делает не так, но сам на глазах у зрителя ни разу ничего так не сделал и не сделает – ну, и велеречив. *Полу-Чацким* можно назвать Глазьева <…>. Есть и менее распространенные персонажи <…>. Представьте себе, как демократ Хакамада произносит: *"Ну бал! Ну Фамусов! Умел гостей назвать! Какие-то уроды с того света"* – вот и превосходная *Графиня-внучка*». (А.Привалов. Об амплуа в российской политике. www.expert.ru/columns/2006/12125/ravnoe).

Ряд примеров, взятых из студенческих словарных материалов (рабочих картотек), можно было бы продолжить.

Для разработки технологий извлечения культурно значимой информации особенно интересным представляется бытование грибоедовских цитат в Интернете. Это открытое информационное пространство дает богатейший материал, показывающий, как грибоедовское слово используется в современной русской речи. Так, нередки шутливые подражания «Горю от ума», например:

Фамусов

А все Америка, а все американцы!
Оттуда к нам и шлягеры, и танцы...

Посетитель

Губители карманов и сердец!
Когда же нас избавят, наконец,
От колорадского жука,
Картофеля и табака!

(«Горе от ума». www.rf-slf.nino.ru <2005>)

(*На сцене полумрак. У монитора склонилась Филя. Потягивается*.)

Филя

Светает... ах, как скоро ночь минула.
Друзья, подруги, Интернет, ВМ...
Явитесь предо мной, пока я не заснула,
Закрыв глаза, повелеваю всем!

(*Вспыхивает свет, слышен шелест крыльев*)

Тур

Меня? За что? Не буду спорить,
Хоть не привык я отступать,
Быть может, вам глаза откроет
Вот этот сайт? О, нет! Опять!

Гарсон

Чуть свет и я у ваших ног.
Ах, Филя, меня вели Амуры.
Я стал бы, если б только смог,
Spacebarом на твоей клавиатуре!

(«Радость от ума». www.izm.zamok.net <2005>).

Показательно, что исследователи нередко относят использование интертекстовых единиц к языковой игре. В частности, особое место занимает распространенное в медиа-текстах явление так называемой «игры-подражания», основанной на воспроизведении одного события по модели другого. «Эффект игры-подражания» проявляется в повторе – содержательном, композиционном, языковом, эмоциональном. В исследуемых нами материалах такое явление –

одна из функциональных доминант, позволяющая выстроить классификационные технологические регистры.

В пародии на скандальное телевизионное шоу (как «продолжение» «Горя от ума») читаем:

Нагиев. Софья Павловна, погодите. У меня есть для вас любопытная видеозапись, сделанная в доме вашего батюшки скрытой камерой. *(Вставляет кассету в только что принесенный вместе с телевизором видеомагнитофон. На экране появляются фигуры Молчалина и Лизы.)*

Молчалин. Ах! Лизанька, ты от себя ли? кто б отгадал, что в этих щечках любви еще румянец не играл!

Лиза. А вам, искателям невест, не пристало со служанками заигрывать! Тем более, что свадьба с барышней уж не за горами.

Молчалин. Я в Софье Павловне не вижу ничего завидного.

(Т. Николаенко. «Окна» с участием Чацкого и К° www.novsu.ru/faile/113015).

При разработке инновационных принципов извлечения культурно-значимой информации интертекстовые единицы, можно условно разделить на две группы:

- раритеты, восприятие которых требует «хорошего» знания текста «Горя от ума»: в этом случае (отметим с удовлетворением) испытуемые студенты нередко это знание показывают;
- хрестоматийные цитаты или собственно прецедентные тексты, отраженные отчасти в существующих словарях крылатых выражений, афоризмов и т.п.

Грань между указанными двумя группами может быть весьма условной (заметим, что степень условности требует особого изучения и разработки соответствующей экспериментальной методики).

Нечастотные выражения из «Горя от ума» могут служить объектом лингвокультуроведческого комментирования, которое, в свою очередь, может быть представлено в разрабатываемом нами учебном словаре-справочнике, предназначенном для решения лингвометодических задач в учебном процессе.

Показательно, что значительная часть крылатых слов, не имеющая существенных частотных показателей, достаточно легко узнается в новом окружении в силу авторитетности самого источника.

Построение технологий извлечения культурно-значимой информации должно быть ориентировано не только на принципы междисциплинарности, но и на принципы межуровневости. В перспективе предполагается распределение технологического материала по следующим рубрикам (типологическая иерархия интертекстем):

- уровень текстово-организационный;
- ритмико-метрический уровень (например, фрагмент или соотносимое со строфой стихотворное единство, не оформленное в отличие от предыдущей позиции по правилам завершенности);
- соединение предикативных единиц или предикативная единица при возможных (предполагаемых, допускаемых) просодических и строфических характеристиках, включая также и относительно жесткое лексическое структурирование; такие образования в ряде случаев могут быть соотнесены с паремиологическими единицами;
- слово, его морфемная и акцентная структура, словообразовательные особенности.

Познавательная деятельность студента должна формироваться с учетом двух принципов извлечения культурно-значимой информации из текста (интертекстовый аспект): 1) сочетанием и противопоставлением интертекстовой динамики и интертекстовой статики; 2) разработкой основ технологии извлечения культурно-значимой информации из вторичных текстов, содержательная структура которых ориентирована на комплексный интертекстовый субстрат как категориальный признак вторичных текстов.

Эти принципы определяют технологическую стратегию разработки двух соотносимых, но принципиально разных типов справочников (словаря активного типа и словаря-индекса прецедентных феноменов).

В качестве выводов, определяющих инновационный аспект при работе над вторичными текстами, выделим следующие позиции:

1. «Знание классики» как мерило культурного уровня студента является относительным, что определяется изменением «круга чтения» и усилением фактора междисциплинарности.

2. Технологии извлечения культурнозначимой информации определяются в значительной степени лингвокультурными ориентирами (общекультурной парадигмой), принципиально подвижными, изменяющими содержание современного русского мегатекста (с учетом, прежде всего, источников Интернета и электронных носителей).

3. Подход к общекультурному уровню студента нередко осуществляется односторонне, с доминирующим учетом совокупности классических литературных текстов. Исходные позиции, которые являются значимыми для проводящего эксперимент исследователя, не могут являются ведущими и дающими объективную оценку.

4. Инновационные педагогические технологии должны быть ориентированы на культурный пласт, являющийся актуальным для обучаемого. Однако именно он не всегда учитывается в полной мере.

5. «Стабильный круг чтения» (русская классика) студента технического вуза формирует корпус логоэпистем, прецедентных текстов, расхожих цитатных клише, фразеологизмов, что может быть определено как одна из важнейших гуманитарных составляющих герменевтики, влияющей на адекватность восприятия текстовой информации.